

Песни странствующего мастера

Концерт Владимира Чернова и Важи Чачавы в Большом зале Консерватории

Алексей Парин

После концерта настроение у всех было приподнятое: праздник состоялся. Море цветов и скандирующие аплодисменты увенчали торжество вокала, а спетая как «сверхбис» песня Куртиса «Мне не забыть тебя», спетая, скажем сразу, с тончайшим вкусом и сверхъестественной музыкальностью, точно отразила общий порыв зала: концерт Чернова, ставшего за время странствий по лучшим оперным сценам мира серьезным мастером, действительно не забыть.

Слушая Чернова, погружаешься в тайну творческой личности, задаешь себе вопрос, в чем состоят составляющие вокального музицирования. Чернов не принадлежит к артистам, главное свойство которых составляет энергия внешне-го излучения, властно подчиняю-

щая себе загипнотизированную публику, в нем на первый план выходит интровертная энергия самосовершенствования, воля, направленная внутрь, на скрупулезное оттачивание вокальных средств. Раньше, до отъезда Чернова в «большую карьеру», мне казалось, что самолюбование не позволит певцу достичь подлинных глубин, — сегодня стало ясно, что самолюбование есть лишь необходимое и обязательное условие во внутреннем развитии того, чей голос от природы красив и потому требует особо трепетного к себе отношения. Чернов как художник хрупок, пуглив, может быть, даже мнителен: едва услышав в своем пении какой-то минимальный недочет, крошечную трещинку, он замыкается в себе и, прежде чем его мастерство отыскивает способ преодоления минутной слабости, как бы изводит себя самокопанием.

Именно эти психологические нюансы определили пестроту той картины, которая предстала перед нашим слухом. Основу этого инте-

реснейшего полотна составила работа маэстро Чачавы, к сверхдостоинством которого мы вообще-то уже давно привыкли. На сей раз на первый план в искусстве Чачавы вышло непредсказуемое богатство внутреннего мира, вбирающего в себя все краски мира внешнего. Как пассы опытного шамана, возвращали нас к реальности говорящие отыгрыши шубертовской «Литании», грандиозными оркестровыми звучаниями обрушивался на нас аккомпанемент в цикле Малера «Песни странствующего подмастера».

Пожалуй, именно эти два фрагмента программы и были лично для меня кульминацией вечера в целом. В «Литании» утонченная музыкальность Чернова безоглядно пошла за художественной волей Чачавы, и молитвенный характер шубертовского шедевра открылся во всей полноте. Идеальное звуковедение словно моделировало ровное пламя свечи в огромном соборе, масштаб происходящего задавался не внешними формами, но сугубо внутренними. В малеровском цикле Чернову более всего удалась первая и последняя песни, певец иногда внезапно отдалялся от своего персонажа, но мощные живописные мазки, которыми пользовался вокалист, от черных, густых, пастозных, почти басовых низов до золотистых, сияюще-ангельских фальцетных верхов, создавали грандиозную многофигурную фреску. Казалось, что певец-художник для того иногда и отдаляется от своего полотна, чтобы полнее явить крупный замысел. Ансамбль Чернова и Чачавы в малеровском цикле иначе как чудом не назовешь.

Западные вещи исполнялись во втором отделении, а первое было отдано целиком русской музыке. Здесь, на мой взгляд, лучше всего удалась Чернову «Подвиг» Чайковского и романсы Гречанинова. Пер-

вый опус требует больших вокальных средств и страстной убежденности высказывания. После открывшего концерт усталого Елецкого (в нем трудно было узнать того триумфатора, которого чуть не задушила в объятиях Вена в 1992 году) герой «Подвига» с первой ноты убедил своей духовной значительностью, жизненной силой, выстраданностью каждой фразы. Излишняя патетичность слов скрылась под насыщенностью музыкальной мысли, и «терпенье любви» высветилось живым душевным светом. В романсе Гречанинова «Край ты мой» непритязательные стихи А. К. Толстого обрели формульную прозрачность: здесь послы Чернова обрел драматическую силу большого размаха.

Не стану копаться в недочетах, на которые сам Чернов реагировал с хрупкостью художника-перфекциониста. Где-то стертый звук, где-то легкий хрип смущали самого певца гораздо больше, чем восторженную публику. Эмоционального посыла в результате самооглядки иногда не хватало, финал романса «Снова, как прежде один» утонул в унылой бессодержательности, но серьезно сделанный вокал позволял ни на мгновение не снижать общую планку. Впестость вердиевских фрагментов оказалась выше их спонтанной чувственной экспрессии, ревность Форда жила скорее внутри тембральной окраски, умирание Родриго не касалось распевных красот, а в ответе Ренато, обманутого лучшим другом, про мятушующую душу героя все до последнего рассказал нам рояль Чачавы, всевластный, как оркестр Карлоса Клайбера.

Но все равно — Чернов предстал в этом концерте как зрелый мастер, и горы цветов на рояле можно было сплести в гирлянды настоящего музыкального праздника.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

Чернов В.И. Чернов

30.5.95.